

С. Лучанинов

**Мои воспоминания о первых
днях всероссийского бунта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Лучанинов**
Мои воспоминания о первых днях всероссийского бунта / С. Лучанинов – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 40 с.

ISBN 978-5-518-02425-0

ISBN 978-5-518-02425-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

о гдати безтрекалобно подчинялися приказанію начальни
бывали часто, ели этимъ полководцемъ овладѣвала рѣши-
тельность дохаживающая до самопожертвобанія. Тримиро
было достаточно, но были примѣры обратнаго характера
Застыли одинъ изъ младшихъ офицеровъ роты — убійцу
ухтеръ-офицера Кирпичникова (благослѣдствіи нацражденнаго
ген. Корниловымъ Георгиевскимъ Крестомъ за убійство офи-
цера), убившаго передъ строемъ роты своего ротнаго коман-
дира — можно сказать съ увѣренностью, что порядокъ
въ ротѣ былъ бы возобновленъ и она пошла бы вытол-
нять данной ей приказъ. Этого случилось небыло.

Да проститъ мнѣ читатель эти воспоминанія
неточность въ числахъ, правдивость въ названіяхъ и фамилияхъ,
фигурирующихъ въ нихъ лицахъ, писалъ я спустя 36 ть лѣтъ
со времени бунта, полагаюсе исключительно на свою память
начавшему мнѣ измѣнять, но которая хранитъ въ себѣ факт
достойные записи.

Жизнь запасного полка.

В начале февраля месяца, после повторного лечения в Краму вследствие грудного ранения, я приехал в Петроград и явился в запасный полк. Запасный полк располагался в зимний казармах Л. 78. Ижмайловского полка по Ижмайловскому проспекту. Явился по начальству и был назначен младшим офицером в 1-й роту которой командовал свирный Степанович Кобылинский, - впоследствии назначенный временным прачечником - комендантом Александровского двора в Царском Селе, где находилась арестованная Царская Семья. Полковник Кобылинский был любимым офицером и солдатами полка и полюбился среди них своим авторитетом. Будучи комендантом двора, он своим тактом и добродетельностью сумел скрасить тяжелые дни находившейся там Царской Семьи.

Три дня в зап. роту я был поражен ее численностью и расположением. Помещение предназначившееся для двух рот мирного времени было наполнено так же как запасных разных возрастов и губерний, расположенных на 2-х ярусах нары с оставлением узкого прохода вдоль окон. Много труда доставляло командному составу роты - пробираться число людей выходящим на занятия и возвращая т.к. желающим скрыться от глаз начальства мог это свободно сделать взойдя на второй ярус нары и притвориться спящим под видом свернувшись из караула или наряда.

Темный серый воздух от скопления такого количества людей и бытовых предметов именовался свободному дыханию и заставлял держать без окна

открытыми, не смотря на уличную холодъ. Наблюдение за запасными въ свободное отъ службы время было невозможнымъ по той же причинѣ. Любый агитаторъ незамѣтно могъ проникнуть въ расположение роты и быть желаннымъ гостемъ усталымъ отъ войны запаснымъ. Мы совершенно неизвѣстно, велась ли въ казармахъ наблюдение за политической благонадежностью запасныхъ со стороны жандармскихъ и полицейскихъ властей. Думаю что нѣтъ, гвардейскій жандармскій дивизионъ былъ на фронтѣ, полиція же въ казарму не допускалась. Во всякомъ случаѣ, при поверхностномъ взглядѣ на роту, въ которую я былъ назначенъ, казалось все было благополучнымъ, служба велась проблемно, занятія велись интенсивно и признакомъ, указывающимъ на недоброльство небыло. Занятія обычно велись или во дворѣ казармъ, или на прилегающихъ къ нимъ улицахъ.

Наружный видъ запасной роты далеко не напоминалъ собой гвардейскихъ солдатъ, а разношерстная обмундировка съ защитными погонами и брезентовыми сапогами дополняли собой картину изможденности и недостатка. Судяственно кто бдѣлъ изъ этой, такъ сказать, вооруженной толпы - это обучившие ихъ унтеръ-офицеры, уже побѣдившие въ бояхъ раненые и вернувшіеся послѣ излѣченія въ свою запасную часть. Ихъ опрятный строевой видъ, гордость своимъ полкомъ, знаніе службы - далеко не гармонировали зъ видомъ обучавшихся запасныхъ, и имъ приходилось приложить много труда и усилий чтобы въ короткий срокъ изъ своихъ питомцевъ сдѣлать бойцовъ, готовыхъ для комплектованія маршевыхъ ротъ.

Я съ чувствомъ глубокаго убавженія радости и благодарности посвящаю нѣсколько строкъ своимъ воспоминаніямъ унтеръ-офицерскому составу своего полка и въ молитвенномъ

благословенні преломляюся передъ героической смертцю многихъ
беспрекалочно исполнившихъ своею приказъ подгасть небы-
полкимай. Възтная память имъ.

Подъ Куравицами Казенными, гдѣ я командовалъ 13 ротой, было
получено приказаніе Штаба-полка, выслать по одному отдѣленію
отъ роты, находившейся въ окопахъ - для форсированія рѣзки
и продвигенія передѣлками къ расположенію противника,
который въ это время самоопытался. По исполненіе этого
приказанія, мною было выдѣлено отдѣленіе млад. унтерз-
офицера Шаповаленка силою въ 8 яловикъ. Начиная тем-
нѣтис, и намъ находившимся подъ склонамъ холма, занятого
непріятелемъ, были видны на еще освѣщенномъ горизонтѣ
одиночные низмы, разбитые окопы и рѣзкими выстрѣлами
добавилие знатно о своемъ нахожденіи. Артиллерія
противника обстрѣливала наши окопы - давая точная попа-
данія. Въ окопы сзади со стороны Запольскаго-Добнара,
попалъ одинъ снарядъ, сразу похоронивъ въ яловикъ. Терзидя въ
бродъ рѣзку - отдѣленіе разсыпалось въ цѣть и приготовилось
для передѣлки по одному. До противника было не болле 600 шаг.
Какая цѣль преслѣдовалась штабомъ, выславшимъ людей на
бѣзрную смерть, мнѣ было неизвѣстно, только поздней ночью
когда былъ данъ приказъ объ отходѣ всего полка на новую позицію,
я понялъ что это былъ маневръ, что бы ввести противника въ
заблужденіе. Этотъ маневръ намъ дорого стоилъ. Мнѣ изъ
окопа въ бинокль былъ виденъ каждыи стрѣлокъ и имъ отдѣленный
командиръ Шаповаленко. Замѣтивъ движеніе съ нашей сто-
роны, непріятель открылъ огонь по передѣлкающимъ людямъ.
Было видно какъ продѣжавшій нѣсколько шаговъ стрѣлокъ
падалъ, сраженный вражеской пулей. Но это не смущало
остальныхъ и имъ отдѣленного командира, не смотря на то,

что мизантропия неприятельского огня была на поражение, отделение со своим начальником унт. офицером Шаповаленко выполнило боевой приказ, смертью запечатлевшей подвиг своей

Будучи раненым во время ночной атаки под Равкой, я остался лежать в шагах 30-40 до неприятельского окопа. Немецки продолжали стрелять по мне, пробив ремни походного снаряжения, фуражку и шинель, но темнота ночи мизгала мне в точности попадания. Теряю сознание от большой потери крови, я очнулся лишь тогда, когда мне была сделана перебинтовка и я очутился в окопе наполненном убитыми и ранеными Кекстальцами, где потерянные окопы мая 13го роты должны были вернуть

Наконец образом я попал в окоп, я узнал лишь на яловном перебинтовочном пункте. Окажется, не смотря на сильнейший ружейный огонь немцев, рота не могла оставить своего ротного командира без помощи, для чего пожертвовала местом своими рядовыми в том числе моим связным Тарайчуком, которые втащили меня ползком в окоп. Впоследствии эти герои были награждены посмертным знаком отличия Военного ордена 4 ст.

Глубоко врезался мне в память образ строюного, красивого унт. офицера Марченко в первые дни войны 1914-18 года. Я не забуду тот момент, когда вступил в неприятельскую землю в районе Солдау, - Марченко выскочил из строя нашей двигающейся колонны, сломал пограничный столб от германским орлом, хлопнулся задним мизгом о землю вскричав: "Ну это теперь русская земля." Взялась одобрения и смехом поддерживали из колонны бернув ей уверенность в подвиге, которая была обратен в гибелью Армии Самсонова.

Можно перечислить много случаев пробитого патриманя
основ военной службы унтер-офицерским составом полка,
и без преувеличения можно сказать, что он был цементом
на котором держалась рота, часто мгновышняя из-за
ранения своих ротных командиров.

Вот таким унтер-офицерам было поручено воспитание
и строевое обучение запасных, многие не державшие бы руками
винтовки, оторванными от семьи, от фабричного станка кото-
рого они так же не обидели, как и военную службу. Особенно
вредным элементом среди запасных были штрафные работяе,
которые за саботаж и разные проступки на фабрике в наказа-
ние посылали на фронт, предварительно обучив их в запасных
частях своей службе. Они, соприкасаясь с более восприимчивым
элементом запасных, уставали от войны, разбирали его указа-
ывая ему, что его враг не немец, а русский буржуй и его
пристыженный офицер. Это мог сдвигать ближайший начальник
и как уладить за политической благонадежностью тысячи запас-
ных. Таким образом могли ему помочь унтер-офицеры, которые
запасные так же сторонились, как и офицеров, видя в них -
начальство - могущее их наказать. Ротный командир в запасной
роты был поглацем ротной канцелярией, денежной и веще-
вой ответственю, и не мог удрзлить достаточно бремени для
воспитания роты, которая в политическом отношении была
предоставлена самой себе, а так же революционной пропаганде.
Помощь ротному командиру со стороны младших офицеров так
же часто отсутствовала, так как на них возлагалось несение
караульной службы, присутствие в различных камиссиях и они только
и мечтали возможно скорее отправиться в действующую армию.

В офицерской среде, в частных домах и в собраниях
никогда не слышался разговоры, из которых можно бы было

«...ити, то и ил. есть спасение. Доблительности, героизма и и-
ти» что ожидалось беспорядки и что у солдат растет к
ним бравада и доблесть. Даже такой фронт как участок
«Аспутина», не вызвало среди офицеров полка большого внимания
и они не придавали никакого значения. Наоборот, в игра в
нашу победу кричала и мысль о революции не приходила бы голову
Толковая офицерская среда не смотря на большую убыль убитыми
и пополнение молодыми прапорщиками была сплочена и автор-
итет старшего в ней строго соблюдался. Учимся слабому, не-
смотря на некоторые наружные недостатки, казалось что запас-
ный полк представляет собой боковую силу, могущую быть
предназначенной для несения гарнизонной и боевой службы. На-
сколько я помню, в запасные полки не были сведены в дивизию
и бригады, а управлялись Штабом запасных полков, во главе
которого сперва находился Генерал Чебыкин, а затем Толк.
Л.В. Преображенского полка Говличенко. Штаб запасных частей
находился в Петроград на Васильевском Петровском.

Жизнь в Петроград текла обычным порядком и
только тревожная мысль о наших больших потерях на фронте
нарушала кажущееся благополучие.

До преддверія бунта

В середині фєвраля я получив из штаба-полка приказаніє взятє полуроту учебной команды и 2 пулемета и идти на охрану завода Динамо, где по свидѣніям штаба войска охраны начались среди рабочих саботаж и безпорядки. Трї дня въ учебную команду и собравъ людей, я объявил имъ задачу и побег имъ на вышеуказанной заводъ, находившійся въ районѣ Нарвской заставы. Трїбывъ на мѣсто назначенія, я оставилъ людей въ боевой готовности, самъ же отправивъ осматривати расположеніе завода. Ничто не указывало на признаки по которымъ можно было судити о бывшихъ безпорядкахъ и начинающемся волненіи, о которыхъ я былъ информированъ въ штабѣ. Заводъ работалъ полнымъ ходомъ, изготовляя ударные трудки для артиллерійскихъ снарядовъ, инженеры, мѣтеизники, и самъ директоръ дѣлалъ сноски по цѣлямъ завода, давая свои указанія. Многъ ничего не оставалось дѣлать какъ распустити моихъ людей для отдыха, а самому отправити въ директорскій кабинетъ къ телефону для доклада въ штабъ полка о полномъ порядкѣ и спокойствіи.

Самъ заводъ былъ окруженъ высокимъ деревяннымъ заборомъ имѣя двое воротъ для одновременнаго впуска и выезда рабочихъ слѣгнѣ. Наружная охрана завода была поручена казачьему развѣду, который иногда появлялся у стѣнъ вабуда, но такъ-же быстро исчезалъ, не давая о себѣ никакихъ признаковъ жизни.

Рабочіе часы дневной слѣгны рабочихъ, приходящіи къ концу и въ скоромъ времени ожидалось прибытіе ночной слѣгны

для безостановочной работы завода

Находясь в кабинете директора, вдруг был телефон с городского и собираюсь говорить со штабом полка, я был вызван взволнованным унтер-офицером моей команды, который доложил мне что бы инструментальном цехе работа портится токарные станки, вставляя бы зубчатки стальные пластинки которая вызывают поломку зубьев, сопровождающаяся страшным визгом и сполни искры.

Быстро бѣжавъ въ вышеуказанный цехъ и увидѣвши въ правильности доклада моего унтер-офицера, я закричалъ на рабочихъ, приставилъ имъ и пригрозилъ имъ употребленіемъ оружія, если такіе безобразія повторятся. Какъ отвѣтъ на мои угрозы со стороны рабочихъ раздался свистъ, брань сопровождающаяся лязгомъ желѣза. Инструментальный цехъ представлялъ собою громадную мастерскую, тутъ кромѣ станковъ находились приподнятые ремни, получающіе движеніе отъ колесъ прикрѣпленныхъ къ потолку, куда вела желѣзная лѣстница. Когда свистъ и крики прекратились, я услышалъ голосъ-стоящаго наверху у приподнятыхъ ремней рабочаго, который призывалъ токарей къ неповиновенію и насилью надъ „отрицниками“. Что бы прекратить это безобразіе я вызвалъ одного взводъ въ цехъ, самъ подошелъ съ револьверомъ къ лѣстницѣ, тамъ находился агитаторъ, и угрожая ему стрѣлкой, приказалъ спуститься внизъ. Когда подстрекатель былъ внизу, я ударилъ его по головѣ рукояткой револьвера. Крики возобновились съ новой силой, но бы мнѣ уже не звучали ни угрозы и ругани, а наоборотъ слова жалобъ и обиды.

Разставивъ вызванный мною взводъ вдоль стѣны мастерской и позвавъ команду „зарядите винтовки“, я вдругъ работимъ, что еще одна лопка станковъ и я открываю

по нимъ огонь и добавилъ, что за происшедшую сейчасъ демонстрацію я оставляю рабочихъ безъ смѣны и запрещаю отходить отъ станковъ. Моя угроза произвела магическое дѣйствіе. (Сразу все успокоилось, слезались лишь приглушенные разговоры сосѣдей по станкамъ и жалобы на якобы незаконные мои дѣйствія).

Натинало темнѣть и на заводѣ и прилетающихъ къ нему улицахъ зажглись фонари. Снаружи завода, у его входныхъ воротъ, постепенно подходила ночная смѣна рабочихъ, образуя внушительную толпу, ожидавшую открытія воротъ. Не желая допустить одновременнаго скопленія рабочихъ, двухъ смѣнъ у завода и могущаго быть обужденія событіемъ происшедшихъ на заводѣ, я приказалъ входнымъ воротъ не открываться, а прибавившимъ рабочимъ, предложилъ разойтись по домамъ, придя къ утренней смѣнѣ. Сперва среди толпы слышался протестъ, но узнавъ, что на заводѣ находится воинская сила, протесты умолкли и толпа стала расходиться по домамъ. Когда казакіи разлзгдъ, обязанность котораго была находиться у завода во время смѣнъ рабочихъ, доложилъ мнѣ что все рабочіе разошлись и въ окрестностяхъ завода не обнаружено ни одного рабочаго, я разрѣшилъ наказанной мною смѣнѣ покинуть заводъ.

То уходѣтъ наглядяго рабочаго съ территории завода, одѣлавъ своей командѣ расчетъ для отбѣга и выставивъ на заводѣ охрану, я отправился въ директорскій кабинетъ и на кожаномъ диванѣ критико уснулъ.

Разбудилъ меня часовъ въ 8 телефонный звонокъ изъ штаба-полка. Мнѣ приказывалось взять людей въ казарму, а самому отправиться въ штабъ запасныхъ частей и явиться его начальнику, Полковнику Тавличенко.